

ВРЕМЯ ВОДЫ

Авантюрный роман*

*Потеря курса есть категория психологии
не меньше, чем навигации.*

Иосиф Бродский

Глава 1. ТОРЖЕСТВЕННАЯ

Я хорошо помню тот день, когда окончательно ощутил себя взрослым. Это был первый день декабря. Серый и быстрый, как кролик, незаметно проشمыгнувший из тоскливого утреннего полумрака в мрачные вечерние сумерки. В тот декабрьский день с низкого, залепленного грязной ватой неба протекало, падало и лилось мокрым снегом и сухим колючим дождем. Но тогда я обращал внимания на осадки. Я возвращался домой.

Съехав с обледенелых ступеней дембельского поезда «Костамукши — Санкт-Петербург» в рыжую снежную кашу, равномерно покрывавшую перрон Финляндского вокзала, я оказался в своем родном городе. Спустя двадцать пять месяцев срочной воинской службы в глубоко закопанном бункере, где под моей кроватью был бетонный пол, а над ней — бетонный же потолок и семь метров земли, по поверхности которой бродили медведи и лоси. Что касается людей, то людей я там не встречал. В тех краях на десять квадратных километров лесного массива приходилось полтора обрусевших карело-финна и один дикий вепс. Сослуживцы, естественно, в счет не шли. Среди сослуживцев не было вепсов и финнов, а самым русским из них был удмурт из Ижевска с редкоземельным античным именем Виктор. В основном же — узбеки, туркмены и дагестанцы. Такой в те времена был принцип: солдат должен чувствовать себя героем-завоевателем. Следуя этому принципу, русские служили в Средней Азии, а узбеки и калмыки — в сибирских северных лесах. Этот тренд (прости, господи, за сквернословие), а также боевой дух и бытовой запах Советская армия позаимствовала у Золотой Орды, страшной скорее своей непредсказуемостью и безбашенностью, нежели вооружением и выучкой.

С тех пор много раз менялась солдатская форма, совершенствовалось вооружение, изощрялись стратегия и тактика, и только сознание оставалось постоянным. Генералы Красной, а затем Советской армии мыслили как ханы. А солдаты мыслили как лошади. Все два года службы они и были лошадьми. И я, конечно, тоже...

Почему и зачем я попал туда, уже почти имея на руках диплом инженера-электрика по системам автоматического управления? Ответ прост: ища и не находя смысла жизни, я решил попробовать себя на прочность, как какой-нибудь мелкобуржуазный Печорин. И попробовал. Доказательством чего была широкая золотая лычка на погонах — так обозначалось воинское звание «старший сержант». А в моей голове, тронутой легким морозцем, стоял приятный хрустальный звон. Это потому что из нее было выморожено все лишнее и ненужное, типа уравнивания Бернулли и «Диалогов» Платона.

Два года самобытной армейской жизни я невольно впитывал в себя ордынские обычаи, мифы и традиции, поэтому моя голова не была абсолютно пустой. Все, что в ней скопилось, изменило мою психику, ментальность, внешний облик, манеру держаться и разговаривать. Надо полагать, я был демобилизован не случайно и не внезапно, а ровно тогда, когда моя трансформация в солдата полностью завершилась.

В моем вещмешке лежал разукрашенный фломастерами и оклеенный фольгой от шоколадок дембельский альбом. На его страницах героические лица бойцов перемежались выполненными в сюрреалистической манере рисунками армейских буден и тщательно зарифмованными стихами. Несколько стихов и песен, равно героических и печальных, я знал наизусть. И в первую очередь — песню о солдате, его девушке и оторванных взрывом ногах. В ней герой вступает в переписку с ожидающей его на «гражданке» возлюбленной и сообщает, что в бою ему отрезало ноги («ноженьки» — в оригинале) и обожгло лицо. Таким способом герой проверяет глубину чувства своей невесты. На самом же деле он не только жив и здоров, но каким-то чудесным образом

* Журнальный вариант.

дослужился до генерала. А невеста принимает все написанное им за чистую монету (как и тот, кто первый раз слушает эту песню, обычно это из последних сил отжимающийся от пола салага) и в приступе малодушия отказывается ухаживать за калекой. Она находит себе другого, какого-то не служившего в армии чмошника. И тут появляется «Он» — молодой красивый генерал с полной грудью государственных наград и орденом на жилплощадь. Невеста рвет волосы на себе и на чмошнике, но уже поздно. Тут струны не выдерживают и рвутся, все плачут, включая парня, исполняющего песню.

Не меньшее место в моей голове занимала легенда о «Розовом закате». Такое название будто бы носила шифрограмма, которая рано или поздно должна была поступить из «центра» по каналам секретной связи. «Розовый закат» — это не картина психопата Пабло Пикассо, это закодированная команда первой и последней ракетной атаки на Американские Соединенные Штаты. Во времена моей юности ее подсознательно ожидал каждый человек в форме и каждый второй в штатском, от солдата до маршала, от подводника до летчика, от первого секретаря горкома партии до последнего пионера в шеренге на школьной линейке. Нанести удар первыми, вспороть брюхо земному шару, смешаться друг с другом, превратившись в облако пыли, — вот что подразумевал под собой «Розовый закат». Два слова описывали абсолютное проявление военного романтизма.

Третий миф был о том, что всех нас — непобедимых героев — с нетерпением ждут на «гражданке», и не просто ждут, в нас нуждаются. И так же как мы каждый вечер после поверки зачеркиваем в карманном календаре день прожитый, вопреки усталости, авитаминозу и бром, так и они — наши далекие и близкие родственники, друзья и подруги — ведут строгий учет нашего отсутствия.

Вот с таким багажом понятий и знаний я ступил на землю родного мне города Ленинграда.

Я представлял из себя классического дембеля — недалекого, агрессивного и сентиментального. Я гордился собой и приобретенными качествами и, опираясь на информацию от других дембелей, ожидал, что, не успев выкурить долгоиграющую болгарскую сигарету до фильтра, окажусь в тесном кольце ликующих народных масс. Я предчувствовал миг, когда к моей новенькой серой шинели, украшенной сине-золотыми погонами летчика и золотыми аксельбантами, потянутся красивые романтические девушки, восхищенные дети и просто патриотично настроенные граждане. Поэтому, заломив на затылок ушитую до размеров тибетейки ушанку, я с независимым видом закурил и принял самую горделивую позу, на которую был способен.

Невеселая мысль, что никто не спешит следовать заготовленному дембельскому сценарию, посетила меня три сигареты спустя. Как отдельные граждане, так и целые гражданские группы не обращали на меня никакого внимания, они беспорядочно бродили по перронам, исчезали и появлялись в дверях вестибюля вокзала. Разве что периодически кто-нибудь падал на пятую точку, поскользнувшись на обледенелом асфальте. Впрочем, никто кроме меня не замечал упавших, не помогал им подняться и даже не смеялся над ними. Меня для граждан не существовало вовсе, словно я был какой-то там памятник Пушкину. И только цыганского вида торговки в мохеровых платках, почувствовав, что я голоден, закудахтали сипло: «водка-водка, горячие пирожки, водка-водочка...»

Дикие люди, они не знали, что денег на водку дембелям не положено. Чтобы сделать хоть что-нибудь, я сменил положение ног, стянул с ладони перчатку и, к огромному сожалению, нащупал в кармане пустую сигаретную пачку. Я растерялся.

Солдат без табака — не солдат. Если солдат просит закурить, ему не имеют права отказывать. Так было принято в маленьких, деревянных, пахнущих хвоей, кривеньких выселках Костамукшах. А здесь был город — большой и угрюмый, со сложным характером и букетом нервных расстройств, город, наполовину утонувший в замерзших болотах.

Сумерки сгущались, снег усиливался, а я все не мог понять, каких сигарет я хочу. В общем-то хотелось цивильных с фильтром, но цивильные курят люди с претензией, среди них много жмотов и снобов. Дешевые, овальные, в мягких, криво склеенных пачках, употребляют представители пролетариата и алкоголики — то есть это тоже был не мой уровень. Окончательно запутавшись в «за» и «против», став похожим на неумело слепого снеговика, я дернул за рукав первого попавшегося прохожего. Им оказался вокзальный уборщик — невысокий худой человек с морщинистым желтым лицом спившегося суфия. Вообще-то он не шел, он стоял и с остервенением пытался вытащить из сугроба широкую, словно экскаваторный ковш, лопату.

— Курить дай! — сказал я резко.

Требование эффективнее, чем просьба. Этому меня научила армия.

Дворник, не переставая раскачивать потемневшую рукоять лопаты, бросил на меня оценивающий взгляд и спросил низким, компенсирующим тщедушие тела, голосом:

— Дезертир?

— Ты хоть понял, чё сказал, чушек? Я — дембель! — возмутился я и рефлекторно потянулся к погонам. В несколько шлепков я сбил с них снег и сосульки: — Старший сержант, вот смотри... Ух ты, черт!

Последнее вырвалось у меня, когда, потеряв ладонь о ладонь, я увидел, что они в синих чернильных подтеках. Крашенные гуашью для придания сочности цвета погоны линяли. Линяли и аксельбанты, только не синим цветом июльского неба, а золотисто-желтым — солнечным; и, скорее всего, точно так же сходила краска с шевронов.

Все без исключения дембеля пидорят парадную форму. Добавляют ей вкусоности, а цвету — насыщенности. Гуталином, тушью, синькой, зеленкой, серебрянкой — в зависимости от принадлежности к роду войск. Дорабатывают консервативный стиль дизайнеров Минобороны согласно собственным культурным и национальным особенностям. У туркмена шинель должна походить на богатый халат, у украинца — на жупан. Я строил свой стиль на петровских традициях, в духе солдат-гренадеров.

Низкое качество красок и непогода превращали меня из гвардии дембеля в низкосортного человека — в «человека московской области», в чмо, одним словом.

— Сбежал, говорю? — развил свою мысль дворник, отпуская лопату и протягивая мне мятую картонку «Стрелы». — Да ты не бзди, сейчас все дезертируют. Валом валят кто куда. Из Таджикистана — в Татарию, из Кишинева — в Москву, из Москвы — в Лондон. Такое время, брат.

— Как это?

Я машинально сунул в рот сигарету и в несколько попыток прикурил от зажженной дворником спички. Меня лихорадило от позора и смутного предчувствия надвигающейся опасности.

— Пипец, брат, — произнес он с сочувствием, — перестройка.

Слово «перестройка» я слышал по воскресеньям на политинформациях и когда удавалось посмотреть телевизор. Чаще всего — от добродушного мягкотелого старика с большой гематомой на лысине, своей формой напоминавшей картографическое изображение Соединенных Штатов. Слово «перестройка» из уст старика выходило тягучим и сладким, как свежий липовый мед.

В моем наборе оптимистических ожиданий от прелестей гражданской жизни, с того, как я начну новую жизнь, в обязательном порядке присутствовала сцена медленного танца с девушкой, одетой в белое короткое платье и пахнущей свежим липовым медом. Я сумел представить этот миг так реально, что в моей голове зазвучала музыка, и я расслабился.

И напрасно. Дворник прищурился, разглядывая меня, и поставил свой насущный вопрос иначе:

— Ну, скажи честно, сбежал ведь, сбежал? Из каких войск?

— Из каких надо, — я еще не забыл о военной тайне, но уже ответил неправильно.

Глупый дворник непонятно чему обрадовался и закричал громко на весь вокзал:

— Милиция, патруль! Здесь на пятой платформе живой дезертир!

Я попытался заткнуть его, но моя ладонь оказалась уже, чем его рот, раскрытый на максимальную ширину. Мало того, дворнику удалось прокусить мою перчатку своими гнилушками. «Гнилые зубы могут быть ядовитыми», — подумал я и ударил кулаком по желтой тупой голове сверху вниз.

Дворник ослабил хватку, один из его желтых кривых клыков остался болтаться в моей перчатке. Если бы я был людоедом, я бы просверлил в нем дыру и повесил на шею. Но в нашу сторону уже бежали. Морской офицер в черной шинели и два сухопутных курсанта со штык-ножами на ремнях и красными повязками патруля. Они появились внезапно, примерно со стороны Хельсинки, словно сидели под платформой в засаде или прятались там — у военных моряков часто наблюдается боязнь берега, так называемая «сушебоязнь».

С противоположной стороны — от входа в метро — ко мне устремился пеший наряд милиции. Трое салаг, вооруженных резиновыми дубинками, облаченные в мешковатые робы из кожзаменителя и ботинки на тонких скользящих подошвах.

В тени мусоросборника тихо крались два оранжевых дворника. Они выглядели примерно так же, как и мой спарринг-партнер, правда, были повыше ростом.

Будь сейчас рядом со мной ребята из взвода или хотя бы один удмурт Виктор в неровном расположении духа, мы бы смогли не только отбить их атаку, но и взять вокзал под свой полный контроль. К сожалению, реальное положение дел исключало такую возможность. Все мои друзья были уже далеко: кто в Кызыл-Орде, кто в Ижевске, кто во Владивостоке. Может быть, их, как и меня, в эту минуту тоже пытались скрутить менты.

Нащупывая слабое звено в их сужающемся оцеплении, я еще раз огляделся вокруг, пригнулся, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, и побежал на оранжевых дворников. Я рассчитал правильно: малодушные, не присягавшие родине, они с воплями бросились прочь.

На перронах началась настоящая суета, показавшая мне глубинную разобщенность нашего общества. Оказалось, что самым сильным желанием граждан было желание убежать. Граждане словно ждали некоего сигнала, чтобы утолить невыносимую жажду бегства. Но сначала они разбились на более-менее однородные сообщества.

Первыми из толпы выделились летучие фракции — молодые ребята, бритые под первогодок. Бежали они старательно, но бездарно, их похжие на сардельки фигуры то и дело оказывались на снегу.

За ними поспешили размаленные девицы в коротких полущубках и нижнем белье. Девицы бежали быстро и элегантно, можно сказать, танцевали, и не падали, благодаря длинным и острым каблукам, пробивавшим лед до земли.

Далее на старт пошли торгаши. В длинных пуховиках и овчинных тулупах, с коробками и ящиками в руках, они выглядели ужасающе, напоминая стаю обезумевших гиппопотамов.